

Антон Адашинский:

«Мы работаем с открытым сердцем»

К НАЧАЛУ
ПАРИЖСКИХ
ГАСТРОЛЕЙ

Петербургские театры давно уже поделились на живые и мертвые — одни живут как нормальные творческие организмы, другие законсервировались еще лет 20—30 назад и осуществляют свои взаимоотношения с государством по известной схеме: «Мы делаем вид, что играем для вас, вы делаете вид, что нам платите».

Сейчас появилась еще одна разновидность: театры бывают выездные и невыездные. Один из самых выездных театров Питера — «Дерево» Антона Адашинского. Несколько лет он даже квартировал в Праге, где Антон был профессором Театральной школы, а его театр — Меккой для режиссеров и актеров невербального направления. Участие в фестивалях уличных театров, альтернативного искусства, в движении лабораториях укрепило авторитет «Дерева» в Европе. Теперь оно пустило корни в Италию, во Флоренцию. Маршруты зимних гастролей пролегли отсюда в Германию, Голландию, в феврале театр будет выступать перед парижанами.

Это не значит, что с Россией связь оборвана. В ноябре «Дерево» участвовало с новым спектаклем «Фата Моргана» в Фестивале свободных искусств, который проходил в театре «Балтийский дом» (бывший Ленком). На малой сцене этого театра «Дерево» уже давно пытается обосноваться, но организационные и финансовые сложности мешают. Сейчас, кажется, альянс состоялся, и в марте, после европейского турне, Адашинский и К° вернутся сюда, будут месяц репетировать, с тем чтобы к ставшему уже традиционным фестивалю «Балтийский дом-95» выпустить премьеру — спектакль «Драка».

Если, конечно, «Балтийский дом» к тому времени не прикроют: сейчас его следует отнести скорее к полуживым театрам, к тем, на которые городское театральное начальство поглядывает хищным вождением, размышляя, пора ли не пора закрывать?... Фестиваль, однако, обещает быть, его почтят своим присутствием многие театры Прибалтики — из Стокгольма,

Хельсинки, Копенгагена, из Таллина, Риги; из Вильнюса будут даже три спектакля — «Маленькие трагедии» и «Три сестры» Някросьуса и новая работа Р.Туминаса.

— Антон, не оторвались ли вы в постоянных странствиях от того, что происходит в России?

— А что происходит? Театр в осаде. На грани выживания. Здесь как во всем мире. Исчезает главное — сумасшедшее нутро актера. Остаются дизайнерские вещи, сложнейшая технология, отшлифованные режиссерские постановки. Но это «ерунда», «чума»: Артист — пропадает.

класс наестся, напьется, насмотрится и наслушается всей этой туфты, начнется поворот в другую сторону. Но это будет нескоро. Что до моей связи с Россией... у меня ее никогда особо и не было. Я же из «системы». Это слово сегодня уже забыто, а для кого-то и вовсе непонятно. Это был клан людей, пивших, куривших, бросивших дом, объездивших всю Россию — от монастырей до последних тусовок в Донецке. Это была наша альтернатива советской жизни. Специальная огромная закрытая система. И таким образом мы хранили культуру. Ту, из которой вышла вся рок-

сения. Знаете, как не хочется каждый раз уезжать! Как хочется иметь в Питере нормальный дом, нормальный театр, место для репетиций. Хочется по вечерам ходить в гости. Говорить на своем языке, а не составлять мучительно простые фразы по-английски... Но кто даст нам деньги, чтобы мы тут спокойно работали? Кто-то снимает клипы, зарабатывает на рекламе, так что стыдно смотреть. Мы зарабатываем на жизнь и на новые спектакли работой по контрактам. Нас приглашают на престижные фестивали. Туда без качества не пробьешься. Чем мы сильны? Мы

шу. У нас нет запретов на стили. В прошлом году мы несколько месяцев работали вместе с «Лицедеями» — Леонидом Лейкиным и Валерием Кефтом, и наши актеры получили прекрасный урок этой школы...

— Творческие идеи «Дерева» везде ли воспринимаются адекватно?

— Публика везде одна. Но какие-то идеи проходят хуже или лучше. Круче всего — в России и в Польше. Жаль, что пока мы не можем привезти все наши спектакли домой — для этого нужно несколько грузовиков. А мы не так богаты. Надеемся, что весной, по возвращении, покажем премьеру, которую до того не увидит западная публика.

Последний спектакль из виденных питерской публикой, которая знает Антона Адашинского вот уже более десяти лет, помнит его и по рок-клубу, по группе «АВИА», по работе с «Лицедеями», — это «Фата Моргана». История маленького человека, вышедшего из многих «шинелей» — и Гоголя, и Феллини, и Славы Полунина, и Чаплина. История, решенная исключительно пластическими средствами. В ней образ дерева, кажется, впервые воплощается буквально: огромную цветущую ветку (не из вишневого ли сада?) герой Антона пытается

подарить возлюбленной. Но она предпочитает ему «парикмахерского» красавца, выражающего свои чувства более понятно и просто. Похоже, отношения театра «Дерево» с Петербургом аналогичны: город неласково встречает своих артистов. Только публика верна «Дереву». Поэтому весной оно расцветет снова.

Интервью взяла
ЕЛЕНА АЛЕКСЕЕВА

Санкт-Петербург

Сцена из спектакля «Всадник» (в центре — А Адашинский).

Сцена из спектакля «Фата Моргана».

музыка, неформальные театры, поэты, художники, митьки в частности. Все это из середины 70-х. Сейчас мы подошли к тупику, разбродились, не встречаемся, не помним, кто мы и откуда... С нами происходит то же, что с шестидесятниками, которые тоже были своего рода «системой».

— И с этим связаны ваши частые отъезды?

— Это сегодняшняя формула спа-

используем исчезающую актерскую технику — работаем с открытым сердцем. В нашем репертуаре сейчас «Красная зона», «Всадник», «Поиски женской линии», «Гадина», «Область белого цвета», «Фата Моргана», «Шишли-мышли».

Есть спектакли простые, как, например, «Фата Моргана», маленький, хорошенький, вроде нэцке, в клоуновской технике. Есть другие, с более сложной техникой, эмоционально более сложные, рвущие ду-